

**Антропоцентрированная организация пространства
средствами датских пространственных наречий
в зеркале перевода¹**

ИЯз РАН, МГЛУ

Антропоцентрический подход к описанию явлений языка является одним из основных направлений развития современной лингвистики. Постановка субъекта – говорящего, перцептора, концептуализатора – во главу описания грамматических явлений дает плодотворную почву для систематизации широкого спектра грамматических явлений на материале разных языков. В том числе, антропоцентрический ракурс описания создает теоретическую основу для системно-функционального и сопоставительно-типологического анализа грамматической семантики скандинавских языков. В этом русле выполнена книга Елены Михайловны Чекалиной «Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ» [Чекалина, 2017].

Концептуальным стержнем монографии Е.М. Чекалиной является исследование характерных для шведского языка явлений вариативности в выборе языковых средств выражения релевантных для шведской языковой культуры прагматических смыслов. Во всех статьях автор последовательно идет от исследования плана выражения к плану содержания и показывает, что существующая формальная вариативность не случайна, а служит средством семантической дифференциации. При этом убедительно доказывается однонаправленность вектора этой семантической дифференциации. В ее основе лежит противопоставление объективации высказывания его субъективации, когда за счет грамматических – и не только – языковых средств носитель шведского языка получает возможность представить свое высказывание либо как актуальное, перцептивно и/или концептуально

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

близкое говорящему или, напротив, дистанцированное и тем самым представляемое в объективированном виде. Такой подход, хотя Елена Михайловна и не использует данный термин, ставит во главу рассмотрения явлений шведской функциональной грамматики антропоцентрический фактор говорящего.

Автор целенаправленно показывает, что системное устройство и норма шведского языка таковы, что не только допускают, но и предполагают формальное варьирование, обусловленное установкой субъекта речи. Ведущим прагматическим фактором, основанным на вариативности употребления близких по значению грамматических конструкций, является возможность различной интерпретации содержания высказывания, связанная с выражением говорящим либо объективного, либо субъективированного взгляда на ситуацию.

Заявленный подход позволяет дать целостное объяснение множеству фактов функционально-семантической вариативности, как, например, использование форм перфекта или претерита для описания прошлых событий, выбор форм аналитического и синтетического пассива, варьирование форм презентного и аналитического выражения будущего времени, колебание между презентным и претеритальным выражением эмоциональной оценки. Варьирование именных категорий, например, выражение неопределенности посредством либо неопределенного артикля, либо неопределенного местоимения, также связывается с противопоставлением актуальности (близости)/неактуальности (дистанцированности) сообщаемого с точки зрения говорящего. Использование указательных местоимений с артиклевой/безартиклевой формой существительного также получает объяснение, исходя из противопоставления прагматической близости/дистанцированности как и множество других грамматических явлений, анализируемых в разных разделах книги.

Важным аспектом изучения семантического варьирования для Е.М. Чекалиной служит сопоставление соотнесенных явлений в шведском и русском языках, построенное на анализе параллельных художественных текстов. Это позволяет автору продемонстрировать специфику маркирования субъективной и объек-

тивной интерпретации событий, пронизывающей всю систему шведского языка.

Исследования в области датской грамматики убеждают, что спектр грамматических средств для выражения говорящим субъективного взгляда на ситуацию в датском языке представлен не менее ярко, чем в шведском. Коллективный проект «Антропоцентрическая грамматика датского языка» ставит своей задачей описать грамматические средства выражения ориентации говорящего в пространстве, времени и коммуникативной ситуации.

Предметом исследования в данной статье является вербальное выражение ориентации в пространстве. Объектом исследования являются наречно-предложные сочетания, обозначающие местоположение или перемещение субъекта в пространств, такие как *'oppe på* или *'hen til*. За рамки исследования, таким образом, выводятся так называемые поствербы – исконно пространственные наречия, употребляющиеся после глаголов непространственной семантики, образующие с ними просодические единства и служащие для модификации лексического или аспектуального значения глагола, например, *'sige* – ‘сказать’ / *o'sige 'op* – ‘отказаться’, *'visne* – ‘вянуть’ / *o'visne 'hen* – ‘увянуть’. (О грамматической и лексической семантике глагольно-поствербиальных сочетаний в датском языке см [Кузнецов, 1972]; о значимости для датской грамматики просодического оформления аналитических сочетаний см. книгу Эрика Хансена и Йорна Лунда *Sæt tryk på* [Hansen, Lund, 1983]).

Ориентация в пространстве универсальна для *Homo sapiens*. В отличие от ориентации во времени она заложена в строении человеческого организма. Органом ориентации является наш вестибулярный аппарат, позволяющий человеку, находящемуся не в состоянии невесомости, даже в полной темноте определять *верх* и *низ* и – принимая собственное тело за безусловный ориентир – понимать, что такое *вперед/спереди* и *назад/сзади*, различать расположение *внутри/внутрь* и *вовне/наружу*.

Казалось бы, здесь не должно быть существенных расхождений в вербализации мира между разными языковыми культурами. Вместе с тем, сопоставление параллельных текстов на разных

языках демонстрирует, что ориентация в пространстве имеет явную языковую специфику. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить с оригиналами художественные переводы на русский язык датских литературных текстов, выполненных профессиональными переводчиками. В качестве иллюстрации обратимся к переводу романа Иды Йессен «ABC» («Азбучная история») [Jessen, 2005 / Йессен, 2009].

Специфика пространственного маркирования в датском языке выступает особенно наглядно, если сначала обратиться к русскому переводу, а затем сопоставить его с теми нюансами пространственных смыслов, которые обязательно присутствуют в датских оригиналах, но оказываются утраченными в русских эквивалентах:

Йоаким *развесил* летние одеяла на перилах веранды и *посмотрел* в сад. (Азбучная история, 93)

Joachim *hængte* sommerdynerne **ud over** rækværket på verandaen og *kiggede ned i* haven. (ABC, 85)

Йоаким *настежь распахнул* двери и окна и принялся *выгружать* из машины багаж (93)

Joakim *smækkede* døre **op** på vidgab og begyndte at *bære* bagagen **ind fra bilen** (84)

Если отвлечься от датского оригинала и сосредоточиться только на русских эквивалентах, то оказывается, что в русском тексте типично нюансируется характер движений субъекта относительно объектов внешнего мира: например, распределяющий характер движений субъекта при вертикальном размещении объектов (*развесил*²) относительно поверхности пространственного ориентира (*на перилах*) или о резком характере открывающего движения (*распахнул*³) и о перемещении тяжелых объектов изнутри наружу (*выгружать*) относительно контейнера-ориентира (*из машины*).

Если же теперь сравнить перевод с датским текстом, то становится понятно, что в русском переводе регулярно ослабляется

² *Развесить* – «повесить в разных местах», «повесить, расправив, растянув» (БТЯ).

³ *Распахнуть* – «резким движением отвести в сторону», «широко раскрыть, раздвинуть» (БТЯ).

субъектно-ориентационный компонент смысла датского оригинала: *hængte ud over rækværket* – досл. ‘повесил **наружу** сверху перил’, *kiggede ned i haven* – досл. ‘посмотрел **вниз** в сад’, *begyndte at bære ind fra bilen* – досл. ‘начал носить багаж **внутрь** из машины’.

В первом из примеров движение, обозначаемое первым предикатом, характеризуется как направленное вовне (*ud*) из субъективного пространства субъекта (в данном случае пространства дома), а во втором предикате задается вертикальная ориентация объекта относительно точки зрения субъекта. Адресату понятно, что субъект смотрит в сад вниз (*ned*), то есть, видимо, со второго этажа своего дома. Из второго примера следует, что субъект находится в открытом пространстве (на улице) и перемещает багаж (*ind*) в замкнутое пространство дома.

Последний из приведенных предикатов мог бы точнее передаваться по-русски как ‘начал **вносить багаж из машины**’. Однако в этом случае возникало бы несоответствие разнонаправленности двух типов движений – «перемещение из замкнутого пространства» (*из машины*) и «перемещение в замкнутое пространство» (*вносить*). Поэтому переводчик выбирает вариант «*принялся **выгружать багаж из машины***», опуская сему «перемещение в замкнутое пространство». Другим возможным вариантом русского перевода могло бы стать указание всей траектории перемещения объекта: «*принялся **переносить багаж из машины в дом***» или «*принялся **выгружать багаж из машины и вносить его в дом***». Это утяжеляло бы текст, но сохранило бы отмеченные выше важнейшие особенности вербальной ориентации в пространстве средствами русского языка, а именно ориентацию относительно объектов внешнего мира и семантическую детализацию типа движения. Эти особенности полностью соответствуют предложенной Пером Дурст-Андерсеном коммуникативной типологии русского языка как языка, грамматические средства которого приоритетно ориентированы на передачу денотативной реальности [Durst-Andersen, 2011].

То, что опускается в русском переводе, – это своего рода «дополнительная координата» пространственной ориентации, при-

сутствующая в датских примерах. Помимо внешней ориентации действий относительно пространственных объектов (*na perилах – over rækværket, в сад – i haven, из машины – fra bilen*) в датском предложении регулярно присутствует и ориентация действия относительно субъекта. Это может быть как ориентация направленности действия, если речь идет о динамических предикатах (*ud, ned, ind* и др.), так и ориентация расположения объекта относительно субъекта в случае статических предикатов (*ude, nede, inde* и др.). То есть под субъектной ориентацией нами понимается не только пространственная ориентация относительно позиции субъекта речи («Я» говорящего в ситуации прямой речи), но и ориентация относительно позиции антропоморфного субъекта повествования (персонажа в нарративном тексте).

Идея множественности типов субъекта была высказана в книге «Коммуникативная грамматика русского языка». Авторы выделяют «пятичастную модель взаимодействия субъектных сфер», позволяющую «выстроить субъектную перспективу высказывания, “прочертить” ось между *Он* субъекта исходной модели и *Я* говорящего. На этой оси выделяются субъектные зоны: S_1 (субъекта неосложненной модели), S_2 (субъекта-каузатора), S_3 (субъекта-авторизатора), S_4 (субъекта говорящего, автора данного высказывания) и S_5 (адресата высказывания, субъекта слушающего). Реализация конкретного участка этой схемы (конкретной субъектной зоны) в высказывании и есть субъектная сфера, которая прямо связана с внеязыковым положением дел» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004: 231].

Наличие «дополнительной пространственной координаты» субъектной ориентации, выражаемой в датском языке аналитическими маркерами наречного происхождения, соответствует отмеченному Пером Дурст-Андерсеном коммуникативному типу датского языка как языка, ориентированного на адресата [Durst-Andersen, 2011].

В этой связи хочется вспомнить один жизненный эпизод, косвенно свидетельствующий о том, что вербальная детализация пространственных смыслов помогает носителям соответствующего языка легче ориентироваться в пространстве. Много лет

назад в только что выстроенном здании МГИМО на проспекте Вернадского проходила совместная российско-датская конференция. От кафедры скандинавских языков участникам нужно было пройти в конференц-зал. Чтобы это сделать, требовалось несколько раз спуститься и подняться с этажа на этаж и сделать несколько поворотов. Российские и датские организаторы конференции дали русским и датским участникам подробные устные инструкции. Когда мы, проплутав по коридорам достаточно времени, наконец, оказались в конференц-зале, выяснилось, что все датчане уже давно на местах и не понимают, почему нам сложно было найти дорогу.

Указание на пространственное положение объектов относительно субъекта (S_1) дает адресату (S_5) возможность в буквальном смысле «поставить себя на место» субъекта, увидеть и почувствовать, как организовано пространство персонажа в повествовании или пространство говорящего в ситуации непосредственного речевого общения. Тем самым грамматическими средствами датского языка создается коммуникативный эффект, который мы предлагаем называть пространственной эмпатией. Под эмпатией, в соответствии с толкованием Большого психологического словаря, понимается «внерациональное познание человеком внутреннего мира др. людей»; «вчувствование в художественный объект»; «эмоциональная отзывчивость на переживания другого человека» [Мещеряков, Зинченко, 2005: 563].

В качестве иллюстрации рассмотрим другой пример из параллельных текстов:

Lange køer bilister ville komme
forbi om eftermiddagen på vej
ud til deres sommerhuse efter
arbejde
(ABC 86)

Ближе к вечеру по шоссе бесконечными вереницами *потянутся* автомобилисты, *направляющиеся* после работы в летние домики
(Азбучная история 96)

Этот пример интересен по многим причинам. Во-первых, здесь представлено одно из основных вариантов значения *ud*, сигнализирующего о том, что и для автомобилистов, и для главного персонажа книги, наблюдающего за происходящим на шос-

се, поездка за город является переходом в «чужое» пространство, противопоставленное внутреннему, «своему» для них пространству города.

В этой связи показательно сравнение контрастных примеров с локативами *ude i provinsen* и *i provinsen* из Датского корпуса 2007.

Использование наречия *ude* при локативе *i provinsen* субъективно противопоставляет провинцию как внешнее, «чужое» пространство столице как «своему» пространству говорящего: Der er ikke plads til flere kraftcentre i Danmark, for hvis de fik lov at opstå, ville hovedstaden for alvor miste pusten. Større er landet ikke. Men hvis det er, hvad man gerne vil opnå *ude i provinsen* – og politisk – så skal det nok lykkes (korpusDK) 'В Дании нет места для новых онкологических центров, потому что если бы они возникли, то столица бы просто не выдержала. Страна не резиновая. Но если этого добиваются в провинции (*ude i provinsen*) – используя политические средства – то это, конечно, произойдет'.

Если же говорящий позиционирует себя как беспристрастный наблюдатель, не связывающий себя с тем или иным локусом, то наречие субъективной ориентации закономерно отсутствует, как, например, в экономическом исследовании, автор которого сопоставляет уровень зарплат в столице и провинции: Jeg har kigget på, hvad lønnen er på ti typiske arbejdspladser i dagens Danmark. Det er klart, at der er forskel på lønnen i hovedstaden og i provinsen (korpusDK). 'Я посмотрел, каковы сейчас зарплаты в десяти наиболее типичных сферах занятости в современной Дании. Очевидно, что существует разница между зарплатой в столице и в провинции'.

Семантика *ude* как маркера «чужого» пространства по отношению к говорящему проявляется также в противопоставлении *ude* наречию *hjemme* 'дома', например, в труднопереводимой игре слов в следующем примере из Корпуса 2007: Valdemars mor er *hjemmehjælper*, eller som Valdemar kalder det "*udehjælper*". For heller ikke hun har tid til noget i huset. ВТ 91 (korpusDK). 'Мать Вальдемара – домработница (досл. 'дома-помощница'); или, как Вальдемар ее называет, «внедомарработница». Потому что дома у нее ни на что не хватает времени'.

Возвращаясь к приведенному выше примеру из параллельных художественных текстов, отметим, что он содержит еще одно наречие субъективной ориентации – *forbi* 'мимо'. Машины будут проезжать *мимо* того места, где в тот момент стоит наблюдающий за происходящим персонаж. Если же сравнить датский оригинал с его художественным переводом на русский язык, то – как и в параллельных примерах, проанализированных выше, – обнаружится, что все указания на субъектную ориентацию в русском тексте отсутствуют. Зато более нюансировано изображены семантические особенности движения: автомобилисты не просто *kommer forbi*, как в датском оригинале, а «*потянутся*», что живо рисует картину неторопливого, плотного автомобильного движения, когда одна машина следует прямо за другой. В датском же оригинале использован глагол *komme*, который не передает тип движения, указывая лишь на «перемещение в определенное место или туда, где находится говорящий» (*komme*, v. 1. bevæge sig eller rejse hen til et bestemt sted eller til det sted hvor den talende befinder sig. DDO), что – в полном соответствии с коммуникативной типологией датского языка – еще более усиливает ориентационный компонент смысла.

Наконец, рассматриваемый пример параллельных художественных текстов важен еще в одном отношении. Он как нельзя лучше иллюстрирует различия между русским и датским языком не только в пространственной, но и во временной ориентации.

Если указание на пространственную ориентацию объектов относительно субъекта дает датскому адресату возможность поставить себя на место субъекта повествования, то в отношении грамматической ориентации во времени обнаруживается противоположная закономерность. В датском тексте временное пространство персонажа и временное пространство повествователя (как и адресата) оказываются дистанцированными друг от друга грамматическими средствами. Так, в анализируемом эпизоде сообщается, что персонаж стоял и думал о том, что будет происходить на том месте вечером. Датская форма будущего в прошедшем (*ville komme forbi*) четко противопоставляет временной план прогноза персонажа из момента в прошлом тому, как бы выразался прогноз относительно момента речи (*vil komme forbi*).

В переводе на русский язык это противопоставление утрачивается. Использование формы будущего времени (*потянуться*) совмещает темпоральные позиции всех субъектов, создавая в русском тексте эффект, который мы предлагаем называть темпоральной эмпатией, чему противопоставлен эффект темпорального дистанцирования, характерный для таксисных категорий датского глагола.

Малый объем статьи не позволяет представить в ее рамках целостную систему антропоцентрированной организации пространства средствами датских пространственных наречий. Поэтому в заключении укажем лишь основное направление исследования, которое будет строиться на последовательном семантико-функциональном анализе оппозиций *op/oppe* и *ned/nede*; *ud/ude* и *ind/inde*; *frem/fremme* и *hjem/hjemme*; *over/ovre* и *om/omme*; *hen/henne* и *bort/ borte*. Для каждой из них будет выявлен базовый семантический инвариант, а затем рассмотрены функционально-семантические варианты, по-разному организующие физическое или ментальное пространство относительно субъекта.

Будет также сопоставлена субъектно-ориентационная семантика в целеориентированных / нецелеориентированных (*telisk/atelisk* в терминологии [Hansen, Heltoft, 2011, 216]) оппозициях *op/opad*; *ned/nedad*; *ud/udad*; *ind/indad*; *hen/henad*; *frem/fremad*; *hjem/hjemad*; *over/overad* и *om/omad* и проанализировано закономерное отсутствие коррелята **bortad* у наречия *bort*.

В рамках субъектной отнесенности пространственной ориентации также планируется проанализировать характерное для датского языка противопоставление ориентационного и функционального пространства средствами квазисинонимического предложного варьирования. Возможность использования пространственных наречий только при предлоге, обозначающем ориентационное – а не функциональное – пространство, будет истолкована как дополнительное подтверждение субъектной ориентированности датских пространственных наречий.

Заключительный этап исследования будет связан с сопоставлением лингвоспецифических проявлений пространственной ориентации в близкородственных скандинавских языках. На материале сравнения датского языка с норвежским (в котором, со-

гласно наблюдениям исследователей [Ливанова, 1999; Ливанова, 2008], присутствует ряд специфических употреблений) будет предложено истолкование межъязыковых расхождений в рамках предлагаемого антропоцентрического подхода.

Источники

Золотова, Г.А. Онипенко, Н.К. Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: ИРЯ РАН, МГУ, 2004.

Кузнецов, С.Н. Семантическая и лексико-комбинаторная характеристика поствербов в датском языке // Вестник МГУ, сер. Филология. – 1972, № 2. – С. 74–81.

Ливанова, А.Н. О некоторых вторичных функциях терминов пространственной локализации по вертикали. // Скандинавская филология = Scandinavica, – СПб., 1999, Вып. 6. – С. 80–82.

Ливанова, А.Н. О семантике наречий-частиц *bort* и *borte* в норвежском языке // Приложение к журналу «Язык и речевая деятельность», 1999, Т. 7. – С. 88–95.

Мещеряков, Б.Г., Зинченко, В.П. Большой психологический словарь. 4-е изд., расш. – М.: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009.

Селиверстова, О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия // Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 719–941.

Чекалина, Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. – М.: МАКС Пресс, 2017.

Durst-Andersen, P. Linguistic Supertypes. A Cognitive-semiotic Theory of Human Communication. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. – 314 s.

Hansen, E., Heltoft, L. Grammatik over det danske sprog. København: Det Danske Sprog- og Litteraturselskab, 2011.

Hansen, E., Lund, J. Sæt tryk på. Syntaktisk tryk i dansk. – København: Lærereforeningens materialeudvalg, 1983.

Источники примеров

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BF%D0%B0%D1%85%D0BD%D1%83%D1%82%D1%8C&all=x> (дата обращения 10 августа 2021 г.).

Йессен, Ида. Азбучная история. Пер с дат. Н. Федоровой. – М.: Текст, 2009.

Jessen, Ida. ABC. – Kbh.: Gyldendal, 2005.
Den Danske Ordbog (ordnet.dk) <https://ordnet.dk/ddo/ordbog>
Ordbog over det Danske Sprog (ordnet.dk) <https://ordnet.dk/ods/ordbog>
KorpusDK – Dansk korpus 2007 (ordnet.dk) KorpusDK — ordnet.dk

Информация об авторе:

Дина Б. Никуличева, доктор филологических наук, профессор,
Институт языкознания РАН, Московский государственный
лингвистический университет, 111397, Россия, Москва,
Новогиреевская ул., д. 31/45 – 25,
nikoulitcheva@yandex.ru

Information about the author:

Dina B. Nikulicheva, Dr. of Sci. (Philology), professor,
Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University, Moscow,
Russia; 31/45 – 25, Novogireevskaya, Moscow, Russia, 111397,
nikoulitcheva@yandex.ru